

Бунин И. Собрание сочинений. В 6-ти т. Т. 2. Произведения 1887 — 1909 г.
/ Коммент. В. Титовой //Художественная литература, М., 1987
FB2: WZ (WW_ZZ), 15 October 2019, version 1.0
UUID: FA5AE3E5-7D7B-42EA-8428-0CEFF9FB7E0E
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Иван Алексеевич Бунин

Ночлег

Содержание

#1	0005
Комментарии	0012

Иван Алексеевич Бунин
НОЧЛЕГ

— Ночуй, ночуй, Алексеич! — сказал мне лесник, рябой широкогрудый мужик в косматой волчьей шапке, стоявший передо мной возле караулки. — Самое лучшее тебе ночевать, а я тем временем ребятишек своих проведу и лыжи тебе добуду... Без лыж ты в отделку измаешься.

— Да ведь и ты измаешься, — нерешительно возразил я.

Лесник мельком взглянул на меня и улыбнулся.

— Я, брат, не тебе чета, — ласково сказал он и, кивнув головой, пошел по темной тропинке, убежавшей в чаще низкорослого дубняка, смутно черневшего по снежным лужкам и оврагам.

Скоро его коротконогая фигура слилась вдаль с сумраком, скрылась за изгородью пустого пчельника в разлужье, где из снега торчали ульи, прикрытые камнями и похожие на грибы, и я остался один, совсем один в сонном зимнем лесу. И такая тишина теплого мартовского вечера воцарилась кругом, что хотелось закрыть глаза и стоять так долго-долго, чтобы вполне слиться с окружаю-

щим оцепенением. И неподвижно сидели и сонно жмурились у моих ног собаки, — черный с белым жилетом Цыган и остромордый рыжий Волчок в своей пушистой шубке... «Вот и опять дома! — подумал я, глядя в сумерки. — Какой нежный и теплый вечер!..»

Медленно стал падать снежок, вывел меня из задумчивости, и мрачно взглянула на меня пустая изба, когда я отворил ее тяжелую дверь. Низкая и просторная, с маленькими окошечками в толстых кирпичных стенах и огромной широкоплечей печью, она производила впечатление жилища почти дикого, но почему-то меня радовал мой одинокий ночлег в этой молчаливой лесной избе. Дубки уже гудели в белесой темноте за окнами; с утра в лесу таяло, перед вечером на задворках караулки однотонно и нежно стонала пустушка — совсем как в полую воду; теперь снова возвращалась зима, и, когда я зажег в печи солому, поставил ни загнетку чугуничик с водой и вышел в сени, чтобы взять охапку хворосту, навстречу мне понесло свежестью весенней метели. Сонный ночной ветер зашуршал в темноте по крыше, и мне стало хо-

лодно, но зато как приятно было снова вбежать в теплую избу и накрепко захлопнуть ее черную, липкую дверь! Изба уже наполнилась душистым запахом сырых дубовых дров и фантастично была озарена яркой пастью печки. Длинные оранжево-красные языки вырывались из нее и, дрожа и переплетаясь, бежали и лизали устье, а противоположная стена, покрытая густым слоем сажи от топки покурному, трепетно искрилась, как смоляная. Кошка, черная и блестящая, точно пантера, примостилась в конце широкой лавки у самой загнетки, съежилась и жмурилась, сладостно мурлыкая; красный голенастый петух, разбуженный огнем, тупо бродил по соломе, накиданной на полу, в теплом кругу света, а из-под лавки вдруг блеснули самоцветными камнями два глаза Волчка, с приподнятыми ушами смотревшего на кошку, и — боже! — сколько негодования было в его пристальном взгляде!

— Ты зачем сюда? — закричал я на него с деланной злобой и, распахнув дверь, отчаянно затопал ногами, когда Волчок, поджав хвост, с визгом кинулся в сени.

Чугун с кулешом между тем нагревался. Он уже шипел и запевал задумчивыми, жалобными голосами, и было что-то трогательное в его детском напеве, и дикой красотой старой русской сказки притягивала к себе широкая ярко-цветная игра пламени, когда я присаживался порой на дубовый пенек среди полутемной избы и подолгу, как очарованный, смотрел на бегущие оранжевые ленты.

Наконец таган на загнетке прокалился почти докрасна...

Черный хлеб был липок, как замазка, от чугушка резко воняло салом, но я ел с неразборчивостью крепко проголодавшегося человека. Свет замирающего в печи пламени дрожал вокруг меня под низкими потолками и озарял то окна, то покоробленную доску иконы, стоявшей в переднем углу на лавке; изображение на доске было суздальское, большие глаза Христа, похожего на Будду, были страшны в этом мерцании, но, собрав со стола корки и настелив на лавке возле печки соломы, я перекрестился на старую икону почти с детской верой. Потом я кликнул в избу собак, кинул в изголовье полушубок и растянулся на

соломе. Собаки подошли, посмотрели на меня и, с визгом зевая, улеглись возле лавки. И все кругом стало еще тише и печальнее.

Чтобы не угореть, я не закрыл трубы и не задвинул печку заслонкой. Дрова между тем прогорели, и свет от углей стал медленно меркнуть. Темнота угрюмо сгущалась, отовсюду подвигаясь к печке. На мгновение в сумраке у дверей мне померещилась фигура монахини — и вдруг мне стало жутко...

— Цыган! — тихо крикнул я, приподнимаясь.

Цыган тотчас же перекошил и насторожил уши. Насторожился и Волчок. Однако, прислушиваясь, оба очень выразительно поглядели на меня и успокоились. «Спи, никого нет!» — сказали мне эти взгляды. Но темнота все сгущалась. Она уже подошла к самому устью, и последний уголек на загнетке глядел в темноту, подобно закрывающемуся глазу, озаряя лишь своды... Потом и он померк... Теперь лишь где-то в глубине печки краснела чуть заметная точка. Ветер шуршал по окнам и заносил их снегом... Окна тускло серели в темноте... И вот кто-то подошел и заглянул в

них. Чья-то высокая тень мелькнула мимо окон и скрылась...

«Кто там?» — хотел было крикнуть я с сильно застучавшим сердцем и вдруг сразу опомнился: да ведь это просто притуга[1], оборвавшаяся на крыше!..

И опять сладкая усталость тихо закрыла мне веки. Хороша ты, долгая и печальная зимняя ночь, знакомая своими страхами еще с детства! А тут еще петух смело затрепыхал и забил крыльями, и что-то дружеское, родное было в его громком, почти человеческом крике! Случайно открыв глаза, я увидел странный белесый свет, падавший из окон откуда-то снизу и таинственно озарявший смоляные стены избы: то был отблеск свежего снега на завалинке. И в белесом сумраке, в каких-то бесконечных снежных лугах, которые тотчас же после этого стали мне грезиться, передо мной замелькали бесчисленные огоньки зеленоватых волчьих глаз. Они выглядывали отовсюду, плыли, то приближаясь, то удаляясь, — и вдруг целым роем неслись куда-то вдаль, и тогда по всему лесу, по вершинам, побелевшим от снега, разрастался и,

убегая, замирал смутный, убаюкивающий
шум вьюги...

1903

Комментарии

Газ. «Курьер», М., 1903, № 18, 16 марта, под общим заголовком «Лирические картины».

Текст рассказа в отдельных местах совпадает с текстом первой главы рассказа «Кукушка», совпадает и сама ситуация — ночевка в лесной караулке, страх от промелькнувшей в окне тени.

Примечания

1

Жердь, хворостина; обычно перекидывалась через стога или соломенные кровли.

[^^^]